

РЕБЕНОК В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ.

Принятие эффективного решения

Н.Хананашвили, О.Зыков, Фонд НАН, Москва

Если вы хотите иметь то, что имели всегда,
то можете продолжать делать то, что делали всегда.
Некоммерческая мудрость.

I. ВВЕДЕНИЕ

Видимо не стоит относить к разряду государственных тайн факт, что защита прав детей в России находится далеко не на требуемом уровне. Несмотря на множество принятых правовых норм, несмотря на формальное признание Российской Федерацией необходимости выполнения Конвенции о правах ребенка, положение с безнадзорностью, беспризорностью, наркоманией, преступностью среди несовершеннолетних остается, мягко говоря, неудовлетворительным. И очевидно, что все эти проблемы имеют одну единственную причину: в России систематически нарушаются права ребенка.

Начав заниматься проблемами защиты прав детей еще в 1991 году (в 1992 году был создан первый в Москве и один из первых в России приют-убежище для детей и подростков «Дорога к дому»)¹, специалисты Фонда НАН через некоторое время сформировали комплекс законотворческих предложений по изменению системы защиты прав ребенка в России².

При относительно очевидной необходимости введения в России ювенальной юстиции в широком смысле данного понятия, вопросов, касающихся целесообразности такой реформы, остается множество. В предлагаемой статье мы попытаемся сформулировать и изложить дополнительную аргументацию в укрепление собственной позиции.

Настоящая статья в качестве главной своей цели имеет попытку систематизации структурно-деятельностных усилий, направленных на выработку эффективного решения проблемы защиты прав

¹ Как одна из разработанных специалистами Фонда НАН социальных технологий, технология детского приюта-убежища описана: С.М.Кульянов, Т.В.Харыбина, Р.М. Комарькова и др. Детский приют, как центр медико-социальной помощи детям, попавшим в кризисную ситуацию. / Под общ. ред. О.В.Зыкова, Н.Л.Хананашвили. – М.: РБФ НАН, 2001. – 96 с.

² Пакет из трех законопроектов, направленных на внедрение в России ювенальной юстиции, опубликован в Альманахе «Вопросы ювенальной юстиции», №№1-3. – М.: РБФ НАН, 2001-2002.

ребенка. Вниманию читателя будут предложены основные положения *теории принятия эффективного решения в отношении несовершеннолетнего, оказавшегося в трудной жизненной ситуации* и их обоснование.

По мере продвижения проекта федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в части введения ювенальных судов, судьба ни ювенальных судов³, как специализированных судов в рамках системы судов общей юрисдикции, ни самой ювенальной юстиции, к сожалению, не становится более ясной. И, слава богу, что хотя бы сняты обвинения в использовании нерусских слов.

II. ОСНОВНЫЕ СИМПТОМЫ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ РЕБЕНКА

*«Теперь – позвольте пару слов без протокола:
Чему нас учат семья и школа?»*

В.Высоцкий

Две основные сферы обитания ребенка (они же являются основными институтами влияния на его воспитание) – это сфера семьи и система образования.

Подавляющее большинство проблем ребенка возникает именно вследствие влияния этих двух институтов. Поэтому, когда мы говорим о проблеме уличных детей, то «уличность» этих детей, времяпрепровождение вне дома и вне школы тогда, когда им желательно было бы там находиться, – это только следствие, *индикатор социального неблагополучия* ребенка. В данной статье мы не станем акцентировать внимание на проблемах образования и воспитания в школе, а сконцентрируемся на проблемах семьи.

Поскольку непосредственно семьей в нашем государстве не занимается никакая государственная структура, то никто до поры до времени и не обращает внимания на процессы, в ней протекающие. А поскольку проблемы семьи – проблемы междисциплинарные, то никому из государственных ведомств и не хочется их на себя взваливать. Собственно говоря, у любого ведомства всегда в наличии лишь два способа реагирования на внешние «раздражители» в виде возникающих социальных проблем, два способа действия: либо откеститься от выполнения социальной задачи, либо, если не удастся избавиться от надоедливой потребности, – то получить под ее выполнение возможно большие ресурсы.

³ Текст законопроекта и пояснительная записка к нему опубликованы в Альманахе: Вопросы ювенальной юстиции. – М.: РБФ НАН, 2001. – с.с.69-71.

Возвращаясь к теме, отметим, что общество замечает только те самые, запоздалые симптомы, которые свидетельствуют о существенном социальном неблагополучии. Перечислим основные такие симптомы.

- прекращение посещения учебного заведения.

За посещение детьми учебного заведения отвечает Министерство образования. Вместе с тем очевидно, что школьному психологу (если такой специалист в школе имеется, что случается далеко не всегда) не хватит никаких сил и возможностей для того, чтобы отследить, куда подевался тот или иной ученик и по какой причине он перестал посещать занятия в школе.

И даже если он заметил сам факт неблагополучия, связался с родителями и задал некоторые вопросы, проясняющие ситуацию, реальной возможности помочь данной семье в трудной жизненной ситуации у него нет, поскольку не до того ему, детей-то – несколько сотен...

- употребление психоактивных веществ (алкоголь, наркотики).

Данный симптом находится «в ведении» Министерства здравоохранения. Система здравоохранения (помимо действий профилактических, совсем недавно возобновленных) занимается оказанием помощи несовершеннолетнему, употребляющему психоактивные вещества (ПАВ) и/или страдающему зависимостью от них. Пройдя курс лечения, ребенок фактически уходит из сферы непрерывного наблюдения со стороны государственных структур за состоянием его здоровья. Но проблемы, приведшие его к алкоголю и наркотикам, никуда не делись. Следовательно, он вновь окажется во власти их разрушительного действия.

- уход из семьи.

После принятия ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁴ ребенком, ушедшим из дома, должны заниматься службы Министерства труда и социального развития. Однако, поскольку статья 12 данного Федерального закона не содержала ни конкретных механизмов, с помощью которых несовершеннолетние могли бы получить требуемые им социальные услуги, ни структурных подразделений, занимающихся выявлением *«несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, а также семьи, несовершеннолетние члены которых нуждаются в социальных услугах»*, то и социальная реабилитация этих лиц, построенная на индивидуальных программах социальной реабилитации, была невозможна. В итоге – хорошо известный плачевный результат: закон, направленный на профилактику

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, №26, ст.3177.

ку безнадзорности несовершеннолетних, эту самую безнадзорность увеличил! Доходило до абсурда: безнадзорные дети оказывались вообще вне сферы компетенции государственных структур, и помощь несовершеннолетнему, например, милиционером, могла быть оказана только тогда, когда ребенок совершал правонарушение или преступление. Представьте себе правовую коллизию, когда «страж закона» предлагает несовершеннолетнему совершить правонарушение (скажем, украсть коробку спичек) для того, чтобы ему потом помочь!?! Это – один из вполне реальных примеров. А теперь задумаемся, какое разрушительное воздействие оказывается на сознание не только несовершеннолетнего, но и представителя правопорядка? И откуда в нашем обществе возьмется столь необходимое в условиях демократии законопослушание?

Раз уж мы затронули сферу законности и правопорядка, назовем еще один симптом или сигнал неблагополучия:

- совершение правонарушения (преступления).

Очевидно, что проблемами охраны и соблюдения правопорядка должно заниматься Министерство внутренних дел. Его черед приходит последним, поскольку правонарушение или преступление – это уже, как правило, последняя стадия неблагополучия в семье и судьбе ребенка. Устойчивый многолетний рост преступности среди несовершеннолетних – свидетельство неэффективности решений, принимаемых на уровне государства и реализуемых силами перечисленных выше ведомств, а рост рецидивизма – свидетельство, что и правоохранительная система не способствует исправлению оступившихся подростков.

III. ТЕОРИЯ ПРИНЯТИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РЕШЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ОКАЗАВШЕГОСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ.

«Защитив своих детей,
Россия обретет будущее».

Чем не национальная идея?

Крики о «гибели нации», с одной стороны – очень удобный политиканский манёвр, с помощью которого в любой момент (в особенности же – перед теми или иными выборами) можно привлечь внимание к своей персоне или к какой-либо политической силе; с другой стороны, это – очень простая и безболезненная форма декларативного кликушества, прикрываясь которой легко уходить от практических и, главное, разумных шагов по решению социальной проблемы.

«Детская» тема, в этом смысле, несколько специфична. Сами дети, не являясь избирателями (до поры до времени), не могут выразить своего отношения к политическим играм. Вместе с тем, действия, которые сегодня предпринимаются в отношении детей, через несколько лет именно они будут оценивать. История человечества подтверждает, что очень немногие поколения «отцов» удостоивались похвалы «детей». Если не брать в расчет «ратных заслуг дедов и отцов» (в некотором роде проблемная тема, поскольку воевать – не строить), то таких поколений еще значительно меньше. Поэтому, при формулировании содержательных, концептуальных конструкций следует исходить, прежде всего, именно из их интересов.

Звучащие порою из уст политических деятелей выражения типа: «у нас сейчас для этого нет средств», при обсуждении темы внедрения системы ювенальной юстиции в России, не выдерживают никакой критики, поскольку это означает, что в государстве нет денег на будущее, что абсурдно, как по-людоедски абсурден афоризм Людовика XIV: «Après nous le déluge»^{*}.

Кстати, о французах. Пример Франции в данном случае весьма показателен. Закон о ювенальном судопроизводстве принят 02 февраля 1945 года⁵. Думается, что в конце войны собственных ресурсов у Франции было совсем немного, однако было понимание, что без усиленного внимания к следующим поколениям ничего хорошего в их государстве не будет. И был уяснен опыт Германии, в которой невнимание к интересам молодежи и потеря молодым поколением ценностных ориентиров и опыта, накопленного многими поколениями высокообразованной нации, обернулась глобальной катастрофой фашизма для всего мира.

Предлагаемую вниманию читателя теорию можно назвать частным случаем теории принятия решений (ТПР). В связи с этим необходимо несколько слов сказать о ТПР.

Искусство принятия наилучших решений следует признать ключевым моментом любой сферы человеческой деятельности. Наука о принципах, процедурах и методах выбора наиболее приемлемого варианта решения сложилась сравнительно недавно, а математической теории принятия решений – примерно полвека.

Основы теории принятия решений были разработаны Дж. Нейманом и О. Моргенштерном в 40-х годах прошлого столетия. По мере усложнения задач появилось много ее различных направлений, которые имеют дело с одной и той же проблемой анализа возмож-

^{*} (с фр.) После нас – хоть потоп.

⁵ Перевод текста Закона Франции №45-174 от 02 февраля 1945 года (с изменениями и добавлениями) опубликован: Защита прав ребенка. Социальные и юридические аспекты. – М.: РБФ НАН, 2000. – с.с.89-123.

ных способов действия с целью нахождения оптимального в данных условиях решения проблемы.

В настоящее время теория принятия решений применяется преимущественно для анализа тех деловых задач, которые можно относительно легко формализовать, а результаты исследования адекватно и однозначно интерпретировать.

Необходимость использования принципов и методов ТПР в управлении очевидна: быстрое развитие и усложнение экономических связей, выявление зависимости между отдельными сложными процессами и явлениями, которые раньше казались не связанными друг с другом, приводят к резкому возрастанию трудностей принятия обоснованных решений. Затраты на их осуществление непрерывно увеличиваются, последствия ошибок становятся все более серьезными, а обращение к профессиональному опыту и интуиции не всегда приводит к выбору наилучшей стратегии. Использование методов ТПР позволяет решить эту проблему, причем быстро и с достаточной степенью точности.

Проблема принятия правильного, наилучшего в данной ситуации решения стоит перед человеком всегда. От владения искусством принятия наилучшего решения может зависеть не только судьба конкретного человека, но и, подчас, общества в целом.

Вместе с тем, формализация процесса принятия решений – достаточно сложная проблема, тем более в социальной сфере, и даже использование хорошо известных математических методов, разработанных к сегодняшнему дню, оставляет без ответа многие вопросы и, прежде всего – какое решение из возможного их спектра следует считать правильным?

Когда смоделирован процесс принятия решений, остается только выбрать по каким-либо формальным признакам один из вариантов действия. Такое решение должно быть «оптимальным» для данной ситуации, то есть наиболее благоприятным, наилучшим из возможных. Признаки, на основании которых производится сравнительная оценка допустимых решений, образуют так называемые критерии оптимальности. В каждом конкретном случае критерии оптимальности принимаемого решения, как правило, оказываются различными и с трудом поддаются формализации.

Поэтому столь важным становится формальное описание принципов принятия эффективных решений в области социальной политики. Как было нами показано ранее, данная область политических решений заметно более сложна, чем решения в области экономики в силу основного постулата теории социального инвестирования, который в нынешнем виде выглядит следующим образом:

«Социальное инвестирование отличается от обычного

(экономического) только многообразием единиц измерения прибыли и значительно более долгим сроком окупаемости»⁶.

Сложности вышеназванной формализации определяются и рядом других причин:

1) Как правило, объекты, рассматриваемые теорией принятия решений, настолько разнообразны, что установить единые принципы оптимальности для всех и даже большинства классов задач не представляется возможным.

2) Цели участников процесса принятия решений могут заметно различаться, подчас, становясь прямо противоположными.

3) Критерии правильности решения зависят не только и, скорее, не столько от характера задачи, ее цели и т.п., но и от того, насколько корректно, беспристрастно и обоснованно они выбраны, в противном случае результат станет или ошибочным, или нарочито ложным, скорректированным под определенный запрос.

4) Может быть, наиболее важный элемент – трудности выбора решения порою скрываются в формулировании самой задачи, если требуется достижение нереальных результатов, например, получение максимальной прибыли при минимальном риске, использование некорректных методов достижения запланированного результата.

Итак,

Под принятием решения следует понимать выбор наиболее предпочтительного решения из множества допустимых альтернатив⁷.

Для изложения Теории принятия эффективного решения в отношении несовершеннолетнего, оказавшегося в трудной жизненной ситуации (далее в тексте – Теория) предлагаем взглянуть на следующие основные характеристики, являющиеся необходимыми для принятия оптимального решения, которые в данном случае могут быть названы характеристиками эффективности. Решение должно быть:

- законным,
- персонально адресным,
- квалифицированным.

Ориентируясь на три представленных свойства, попробуем дать краткую формулировку определения, лежащего в основе предлагаемой Теории.

⁶ Первая публикация с упоминанием данной теории см.: Н.Л.Хананашвили. «Камо грядеши?» или некоторые размышления о теории социального инвестирования». / В Альманахе. Межсекторные взаимодействия. Настольная Книга – 2000. РБФ НАН, 2001. – с.с.52-102.

⁷ Определение дано по: О.Ю.Урицкая. Теория принятия решений. Курс лекций. <http://fem.realweb.ru/cgi-bin/inf.cgi?id=307C141D2EC32AF1>

Эффективным в отношении несовершеннолетнего, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, может быть только то решение, которое принято на основании закона и является персонально адресным и квалифицированным.

В настоящее время мы имеем два сильно различающихся, слабо взаимосвязанных подхода: ведомственный и судебный. По сути, сегодня они представляют собою реакцию государства на две стороны проблем несовершеннолетнего: до совершения серьезного противоправного поступка и – после него. Пока несовершеннолетний не встал на путь преступления, государственные структуры практически не используют судебный институт.

Посмотрим, насколько эти подходы отвечают названным нами характеристикам эффективности.

3.1 Ведомства

3.1.1 Законность.

Является ли деятельность ведомств законной? По формальному признаку – да. По сути – нет.

Во-первых, любое ведомство ориентировано не на закон, а на подзаконные акты и нормы, ведомственные инструкции и распоряжения. Ни один закон не будет исполняться, если не приняты эти самые инструкции для чиновника базового уровня. Закон в данном случае становится неодолеваемым «заложником» подзаконных норм.

Во-вторых, вопреки своему предназначению, ведомство решает (не по злему умыслу, но в силу *законов Паркинсона*⁸) не самую социальную проблему, а прежде всего – вопрос о собственном выживании. В итоге идет непрерывная межведомственная борьба, с плохо скрываемыми конкурентными действиями.

Совсем недавно один из авторов статьи участвовал в Новгородской области в заседании «круглого стола» по проблемам безнадзорности среди несовершеннолетних. Для участия в мероприятии были приглашены два вице-губернатора: один из них отвечает за вопросы молодежной политики и противодействие наркомании, другой – за социальную сферу и безнадзорность. Российскому читателю будет несложно догадаться, что в результате на это мероприятие не пришли оба чиновника. Видимо, чтобы не портить отношений друг с другом...

Наконец, в-третьих, деятельность ведомств нарушает принцип разделения властей. Ведь ведомственные нормы эти ведомства раз-

⁸ С.Н.Паркинсон. Законы Паркинсона: Сборник/Пер с англ.– Мн.:ООО «Попури»,1997.– 528 с.

рабатывают и сами же их и выполняют. Да еще и проверяют их выполнение (т.е. себя) сами же.

3.1.2 Персональная адресность.

Деятельность ведомств почти начисто лишена **персональной** адресности. Нормативный акт в подавляющем большинстве случаев касается групп и категорий населения – без учета особенностей каждого случая в отдельности. Да и невозможно учесть множество жизненных ситуаций и вариантов судеб. Следовательно, когда органы исполнительной власти говорят об адресности социальной политики, то можно быть уверенным, что адресность эта будет ограничена так называемым «заявительным принципом». Нетрудно догадаться, что адресности здесь нет никакой. Огромное множество категорий наших граждан (взять хотя бы беспризорных) никогда не смогут обратиться туда, где им могли бы помочь, и заполнить требуемые бумаги для получения хоть какой-то помощи. Да они и не знают, что им хоть кто-то может (и обязан!) помочь.

Сошлемся на правоприменительную практику. Все тот же ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» /4/. Сообразив, что творится бог знает что, органы власти стали лихорадочно искать выход из абсурдной, с точки зрения демократических принципов права, ситуации. Такое решение было найдено. И, естественно, такое решение было ведомственным. Речь идет о Постановлении Правительства РФ от 26 октября 2000 года №822 «Об утверждении Положения об осуществлении и финансировании деятельности, связанной с перевозкой несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей, детских домов, школ-интернатов, специальных учебно-воспитательных и иных детских учреждений»⁹. Министерству труда и социального развития вменялась в обязанность эта самая «перевозка» (слово-то какое! Как будто речь идет о скоте!). И было обещано соответствующее финансирование. Таким образом предполагалось решить проблему безнадзорности. Не нужно быть «семи пядей во лбу», чтобы понять, что убежавшие дети от этого лучше себя чувствовать не стали. Мало того, что их практически насильно отправляли сначала в больницы (даже если они были здоровы), а затем – домой, а точнее, – в то место, из которого ребенок убежал. Убежал же он оттуда потому, что ему там было плохо. Но поскольку стояла не задача помощи ребенку, а только – его транспортировки, то беды ребенка никому и не интересны. А то, что этот несовершеннолетний в следующий раз убежит и спрячется получше, так это на отчетную статистику отрицательно влиять никак не сможет. Совсем напротив, темпы «оборачиваемости» таких вот детских потоков только на руку министерству,

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, №45, ст. 4480.

поскольку увеличивает оплачиваемую нагрузку. И отсюда можно и даже правомерно перейти к заключительному элементу «триады» эффективности предлагаемой Теории – к квалифицированности принимаемого и реализуемого решения.

3.1.3 Квалифицированность.

Высокий уровень квалификации сотрудников, работающих в социальной сфере, имеет очевидные дефекты. Дальше пределов глубоко ведомственных функций эта квалификация не распространяется. Как говорил Козьма Прутков, «специалист подобен флюсу». Вся квалификация, как правило, относится к хорошему владению сводом ведомственных норм и к текущей статистической информированности. Подчеркнем, **текущей**. Ретроспективная статистика здесь тоже не очень в чести: она же будет портить общую картину, демонстрируя реальное качество работы. Подчас доходит до абсурда: из статистической отчетности изымаются позиции, свидетельствующие о негативных тенденциях, а представление сведений осуществляется на основе выборочно выгодных систем показателей. За индикаторной эквилибристикой легче спрятать реальную картину. А перспективные показатели используются в основном для обоснования роста требуемых расходов.

Итак, ведомственное решение по определению не может быть квалифицированным, поскольку ориентировано не на ребенка с его проблемой (и, прежде всего, на семью, которой необходимо помочь), а лишь на интересы ведомства с границами его полномочий. Обсуждение детской тематики всякий раз наталкивается на жесткое ведомственное разграничение проблем на вопросы того или иного ведения.

Ярким примером суженности такого мышления стало принятие и публикация Постановления Правительства РФ от 24.12.2002г. №923 «О перечне иностранных и международных организаций, гранты которых не учитываются в целях налогообложения в доходах российских организаций – получателей грантов»¹⁰. Видимо, список составляло одно ведомство (скорее всего, Министерство торговли и экономического развития), поэтому из перечня исчезло некоторое количество весьма уважаемых международных грантодающих организаций, действующих на территории России. Такие, например, как Международный детский фонд ООН (UNICEF) и Программа развития ООН. Скандальность данного решения легко объяснима: в интересы Минторговли дети пока не входят.

Остается один, суммирующий все вышесказанное, вопрос: можно ли в данной ситуации что-то изменить, чтобы ведомственное решение стало эффективным. Из приведенных многочисленных

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, №52 (часть II), ст. 5228.

примеров очевидным становится ответ – нет. Нет, поскольку данная система не имеет позитивных составляющих эффективного решения, опираясь на которые можно было бы исправить остальные дефекты.

3.2 Суд

Теперь посмотрим, а что в смысле предлагаемого трио основных характеристик эффективности решения в отношении несовершеннолетнего «группы риска» может сделать суд?

3.2.1 Законность.

Принимаемое судьей решение устанавливается, конечно же, на основании закона, и, следовательно, оно – законно, если исключить неправомерные решения, которые у нас, к сожалению, не редкость. Однако, поскольку проблемы правомерности отдельных судебных решений, которые, как правило, принимаются вследствие нарушения принципа независимости суда, не являются предметом рассмотрения настоящей статьи, то и судебные решения мы обязаны рассматривать только в их общем случае, когда они базируются на правовых нормах, принятых в государстве. Если же и упомянем здесь какой-то аспект законности судебных решений, то это будет касаться скорее сочетания буквы и духа закона. В связи с молодостью нашей, российской демократии дух закона пока не укоренился в нашем постсоветском сознании. Однако об этом будет сказано несколько позже.

Есть, правда, еще один существенный фактор – качество законодательной нормы. Решение не может стать эффективным, если оно законно, но при этом опирается на плохой закон. Наш любимый пример с ФЗ «Об основах системы профилактики...» в этом смысле как раз описывает именно тот случай.

3.2.2 Персональная адресность.

Любое судебное решение, безусловно, является персонально адресным, поскольку обращено к конкретным лицам и их судьбам.

3.2.3 Квалифицированность.

Вот здесь и содержится основной дефект судебного решения, поскольку оно категорически не квалифицировано.

Проанализируем эту позицию более подробно.

3.2.3.1 Квалифицированным может быть лишь то решение, которое принимает специалист. Однако, всегда ли специалист принимает квалифицированное решение? Казалось бы, в рамках российской судебной системы осуществляются действия, нацеленные на повышение профессионального уровня судейских кадров. Последним нормативным актом, затрагивающим вопросы повышения квалификации в области психолого-педагогических знаний судей, рас-

смаатривающих дела с участием несовершеннолетних, было Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 марта 2000 года.

Тем не менее, сколь часто и усердно ни проводится такое обучение, оно не заменит полноценно действующего **ювенального суда**. Речь не о новых зданиях, оборудовании и прочем. Имеется в виду прежде всего сосредоточение судьи только на делах, в которых ребенок является одной из сторон (или, точнее, одним из участников). Подобно тому, как здоровьем ребенка занимается врач-специалист – педиатр, так же и дела с участием несовершеннолетних должны рассматриваться ювенальными судьями.

3.2.3.2 Вместе с тем, повышение специальной квалификации судейского корпуса отнюдь недостаточно. Судья при принятии судебного решения обязан опираться на всю совокупность доступных ему сведений. И здесь следует признать, что в действительности у судьи наблюдается острейший дефицит информации. В процессе судопроизводства он лишь изучает те материалы, которые представляет следствие (обвинительный ракурс) и защита (оправдательная позиция). Однако у правосудия (смысл термина *justice* – справедливость) задача состоит именно в принятии не только законного решения, опирающегося на баланс принципа состязательности, но и решения справедливого. Тем более, что сегодня никто не отвечает за сбор всей информации в целом. Таким образом, что судья при вынесении решения оказывается без столь важного инструментария, как информация. И такую информацию судье может предоставить только насыщенная система социальных служб, сформированных на основе Концепции реабилитационного пространства¹¹.

Недостаточность опоры только на принцип состязательности очевидна. Норвежский криминолог Нильс Кристи в своей статье «Конфликты как собственность» привел прекрасный пример, свидетельствующий о дефектности «чистой» состязательности процесса. В судебном заседании адвокат добился минимального срока для своего подзащитного, обвиняемого в организации нацистского движения в Норвегии перед ее захватом Германией в 1940 году, убедив судей в бездарности и тупости своего клиента¹².

Этот яркий практический казус наглядно иллюстрирует невозможность использования для защиты прав ребенка исключительно института адвокатуры, притом, что сам по себе детский адвокат,

¹¹ Концепция реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска изложена: О.В. Зыков, А.Д. Артемчук, И.Л. Баушева и др. Защита прав ребенка. Социальные и юридические аспекты. – М.: РБФ НАН, 1999. – с.с. 7-23.

¹² Н.Кристи. Конфликты как собственность. В сб. статей «Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития». – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. – с.с.28-45.

конечно же, необходим. Но необходим и дополнительный инструментарий. Причем, не только информационный.

3.2.3.3 Дети от рождения безгрешны и не способны на преступление. Можно, конечно, ссылаясь на Ч.Ломброзо, утверждать для некоей части детского населения наличие генетической предрасположенности к преступлениям, но в этом случае нам придется отказаться от факта, что человек – существо общественное и реализует себя именно в обществе.

Как это ни прискорбно, не только хорошему, но и всему плохому маленький человек учится у взрослых. И его противоправная агрессия – всего лишь посильный детский ответ на нарушение его прав, имевшее место в его судьбе ранее. Просто общество не заметило того мгновения, когда были нарушены права ребенка.

Рассматривая в суде только дела в отношении несовершеннолетних, совершивших серьезное правонарушение или преступление, правосудие всякий оказывается в роли опоздавшего статиста. Именно поэтому для общества очень важно иметь не просто правовой инструмент вмешательства в судьбу ребенка и его семьи, но и инструмент высшей защиты. Таким инструментом, безусловно, является суд. Причем вовсе не обязательно всегда должно осуществляться судебное вмешательство. Такая практика неизбежно обернется лавинообразной катастрофой пустячных дел. Важно только, чтобы во всех случаях жизни перед теми персонами, кто занимается проблемами ребенка и отвечает за их решение, четко и однозначно фигурировала **судебная перспектива**, которая будет неотвратимо реализовываться при неспособности или нежелании помочь ребенку или при нарушении его прав. Общество не должно позволять себе запаздывание реакции в этом вопросе.

Отсюда – однозначное требование повышения профилактической роли суда.

3.2.3.4 Мы все вышли не только из гоголевской, но и, к сожалению, из сталинской шинели. Шлейф карательный действий, основанных на репрессивном стандарте нашего мышления, заметен во многих наших действиях. Особенно это заметно в системе судебной. Часть 1 статьи 88 УК РФ предусматривает шесть видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним:

- а) штраф,
- б) лишение права заниматься определенной деятельностью,
- в) обязательные работы,
- г) исправительные работы,
- д) арест,
- е) лишение свободы на определенный срок.

По существу, сегодня практически действует только пункт (е), причем, в подавляющем большинстве случаев, в два приема. Как

правило, сначала судья назначает меру наказания условно (если это преступление не тяжкое) и лишь затем – реально. До недавнего времени кража признавалась преступлением средней степени тяжести, и, поскольку кражи составляют более 60% всех преступлений несовершеннолетних, огромное их количество, совершивших такое преступление, оказывалось за решеткой¹³. Однако действенность данной паллиативной меры не следует преувеличивать.

Посмотрим, что происходит с ребенком, совершившим такое преступление. Представ перед судьей, ребенок выслушивает процессуальную «скороговорку» (нормы уголовно-процессуальные произносятся в суде достаточно быстро), ничего из этого, как и из всего последующего, не понимает, кроме того, что его не наказали. Выйдя на улицу, он радостно делится свежими впечатлениями со своими друзьями, отправляется гулять по поводу счастливого окончания дела и довольно скоро совершает новое, обычно – более тяжкое преступление. И тут происходит то, чего он не ожидает: его сажают в тюрьму. Дальнейшая его криминализация становится всего лишь делом времени и его уголовного окружения, в которое он попадает на весьма солидный срок. Таким образом оказывается, что «условная» безнаказанность ребенка становится даже более безнравственной, чем его тупое наказание. Наше репрессивное законодательство запросто может посадить несовершеннолетнего на многие годы (к примеру, в Швеции ребенок, за редчайшими исключениями, пребывает в местах лишения свободы не более полугода).

Самое ужасное состоит в том, что несовершеннолетний гражданин не в силах понять сути юридических норм, которые заметно отличаются от стандарта, закрепленного с детства в его сознании. Семейное воспитание в основном строится на принципах многократного позитивного побуждения к хорошему поведению, внушения и увещевания ребенка при его проступках – для воспитания в нем, в качестве усвоенных и автоматически, рефлекторно реализуемых, социально приемлемых форм поведения. И, попадая туда, где действуют совершенно другие законы, ребенок, получив столь жестокий урок, как правило, становится обозленным на взрослый мир, который фактически обрек его на такое существование.

Суду, как «карающему мечу», в этом случае, отведена второстепенная роль палача. А механизм, приведший к такому итогу иначе, как аморальным, назвать и нельзя.

Таким образом, возникает потребность более внимательного обращения не только к букве, но к духу правосудия, суть которого должна состоять в восстановлении справедливости и социального

¹³ Положение несколько изменилось в лучшую сторону после принятия соответствующих изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, №44, ст. 4298).

мира. В качестве альтернативы суду карающему должна возникнуть модель суда помогающего ребенку и семье. Условное наказание должно сопровождаться целым рядом именно **условий**, вынуждающих ребенка, с одной стороны, осознать тяжесть совершенного им противоправного проступка, а с другой, побуждающих несовершеннолетнего к заглаживанию своей вины перед теми лицами, в отношении которых совершено нарушение права (или перед обществом). Задача эта – достаточно сложна при:

- а) нынешней загруженности судебной системы и
- б) социальном вакууме подручных для судьи инструментов.

Таким образом, отсюда органично вытекает следующий элемент квалифицированности судебного решения –

3.2.3.5 Системный подход к решению. Проблемы, которые возникают у людей (в том числе те, с которыми они обращаются в суд), как правило, многомерны. Поэтому и решение должно опираться не только на всесторонний анализ, но и содержать комплекс необходимых мер. Может ли быть комплексным решение суда, ориентированное только на одну из норм уголовного закона? Очевидно, нет. Системность решения проблемы состоит не только в поиске причин произошедшего (а не только виновного), но и в формировании комплекса разумных шагов по преодолению проблемной ситуации, ее разрешению, устраивающему стороны конфликта и, в конечном итоге, общество в целом. Такое решение, подчас, может носить междисциплинарный характер. Для этого необходимы

3.3 Социальные службы.

3.3.1 Достаточно широкий спектр возможных решений для судьи в ситуациях, им рассматриваемых, может быть подготовлен соответствующим специалистом – социальным работником. Сегодня такого процессуального фигуранта в Уголовно-процессуальном кодексе нет, и его присутствие в судебном заседании возможно лишь в качестве свидетеля или специалиста (соответственно, в порядке статей 56 или 58 УПК РФ¹⁴). Поэтому все действия неправительственных организаций в этой области носят экспериментальный характер. Однако такое закрепление социального работника следует признать разумным и целесообразным, учитывая необходимость в социальном насыщении действий в ювенальном суде¹⁵.

Возможными представляются два варианта организационно-структурного решения этой задачи – социальный работник в струк-

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, №52 (часть 1), ст. 4921.

¹⁵ Л.М.Карнозова Правовые технологии работы в суде. В кн.: Ювенальные технологии. Практическое руководство по реализации территориальной модели реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска. – М.: РБФ НАН, 2002. – с.с. 263-282.

туре суда либо в структуре другого ведомства (скорее всего, Министерства труда и социального развития). С точки зрения важности плотного взаимодействия социального работника с судьей предпочтительным является включение социального работника в штатное расписание суда.

Рассматривая социальную работу, необходимо также поставить вопрос о включении в российское процессуальное право такой фигуры из области восстановительного правосудия, как медиатор (посредник в процедуре примирения сторон)¹⁶.

3.3.2 Помимо социального работника при судье в рамках системы ювенальной юстиции должна быть создана целая группа новых для России социальных профессий: социальный работник для работы на улице, для работы в семье, для взаимодействия с Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав и другими государственными и муниципальными органами, наконец, в соответствии с ранее упомянутой Концепцией реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска /11/, для работы в реабилитационных программах. Система методических разработок в области деятельности указанной группы социальных профессий представлена в работе, опубликованной Фондом НАН¹⁷. Данная работа стала итогом ряда экспериментальных проектов, реализованных в течение последних 6 лет в Москве и во многих, больших и маленьких городах России.

Предстоит, таким образом, социальное насыщение работы с ребенком, в основе которого – формирование пространства заботы о ребенке и содействия ему и его семье в решении их проблем.

3.3.3 Весьма важным остается экономическая составляющая внедрения ювенальной юстиции. Данный аргумент противников ювенальных судов и ювенальной юстиции можно было бы назвать весомым, если бы не одно обстоятельство. Расчеты, произведенные специалистами Фонда НАН, свидетельствуют: даже с учетом инфляции расходы на создание системы подготовки кадров и кадровое включение социальных работников в деятельность судов, рассматривающих дела с участием несовершеннолетних, составят в течение

¹⁶ В данном направлении активно работает Центр «Судебно-правовая реформа». См., например, Восстановительные процедуры и технологии в профилактике социального сиротства./ Сб. статей. Под ред. Т.А.Дугарской. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 97 с.;

см. также: Вестник Восстановительной юстиции. №№1-4. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000-2002.

¹⁷ Зыков О.В., Артемчук А.Д., Баушева И.Л. и др. Ювенальные технологии. Практическое руководство по реализации территориальной модели реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска./Под общей ред. О.Зыкова, Н.Хананашвили, А.Автономова. – М.: РБФ НАН, 2002. – 350 с.

трех экспериментальных лет (и в дальнейшем – ежегодно) сумму, не превышающую 60 млн. рублей*. Данный уровень расходов представляется смехотворным в сравнении с нынешними государственными затратами на преодоление безнадзорности, беспризорности, наркомании, преступности и других форм асоциального поведения. Примерная величина требуемых ресурсов складывается из расходов на обучение специалистов по социальной работе для работы в суде и их заработной платы, а также сумм, требуемых для создания специальной кафедры в рамках Академии правосудия.

Эффективность представленного комплексного подхода подтверждается и данными государственной статистики, полученными от правоохранительных структур, собирающих такие сведения – в тех районах, где осуществлялась вышеуказанная комплексная работа с несовершеннолетними¹⁸.

3.3.4 И, наконец, такой аспект проблемы внедрения ювенальной юстиции, как организационно-правовой. В том случае, если проблема будет решаться традиционно, путем создания новой административной структуры (пусть даже и меж- или вневедомственной), итог будет почти гарантированно тем же: законы Паркинсона неминуемы, и эффективность работы структур будет минимальной.

Выходом из данного «замкнутого круга» становится изменение логики формирования, размещения и исполнения государственного заказа на осуществление такого рода социальных услуг. Называется это **государственным социальным заказом**, реализуемым в качестве элемента соответствующей целевой социальной программы*, на основе публичного конкурса¹⁹. По существу такой заказ является способом цивилизованной демополизации и разгосударствления социальной сферы России. До тех пор, пока социальная сфера остается сугубо монополизированной государством, речи о ее эффективности идти не может. Самое интересное, что именно «государство», как управляющий институт общества, и должно следить за эффективностью реализации социальной политики.

Итак, с учетом проведенного анализа, можно утверждать, что только выстраивание системы ювенальной юстиции, основанной на

* С вышеуказанными точными расчетами можно ознакомиться в Фонде НАН.

¹⁸ Н.Л.Хананашвили, О.В.Зыков, И.Л.Баушева. Лечение вместо наказания. План практических действий для создания территориальной модели. / В Альманахе Вопросы ювенальной юстиции. – М.: РБФ НАН, 2001, №2. – с.с.46-52.

* К сожалению, до настоящего времени в практике государственного управления применение программно-целевого подхода минимально и сводится, как правило, к формированию и размещению заказов на продукцию в виде планов государственных расходов на капитальное строительство и закупку оборудования.

¹⁹ Впервые данная социальная технология предложена: Н.Л.Хананашвили, О.В.Зыков и др.: Государственный социальный заказ. – М.: РБФ НАН, 1995. – 32 с.

стержневой роли специализированного, ювенального суда, способна решить задачу выработки и реализации эффективного решения в отношении несовершеннолетнего, оказавшегося в трудной жизненной ситуации.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общее направление эволюции и истории подсказывает, что человек, если хочет выжить, должен ориентироваться на средства.
Дж. Фаулз. «Аристос».

Собственно говоря, все уже сказано. Остается только добавить, что России пора переходить от бессодержательной пары вопросов: «кто виноват?» и «что делать?» к вопросам содержательным, в меньшей степени настроенным на поиск виновного и его наказание (кто же еще виновен, кроме нас самих?), и в большей – на конструктивный анализ происходящего и синтез новых нерепрессивных социально-правовых технологий. Отсюда и вопросы будут иными: «почему?» (вопрос аналитический, предполагающий комплексное исследование), «зачем?» (значительно более конкретное целеполагание), «как?» (технология достижения цели, выстраивание пошаговой стратегии, «технология продвижения технологии»²⁰).

Заканчивается время идей и идеологий. За исключением фашистских и им подобных экстремистских и человеконенавистнических идей все остальные – хороши. Однако не идеи определяют результат, а методы, с помощью которых мы эти идеи реализуем.

Пришло время гуманистических социальных технологий социального развития.

²⁰ Более подробно о «технологии продвижения технологии» см.: Н.Л.Хананашвили. Концепция системы взаимодействия органов власти с негосударственными некоммерческими организациями. /В Альманахе: Межсекторные взаимодействия. Настольная Книга – 2002. – М.: РБФ НАН, 2002. – с.с.6-44.